

Роберт Ридель

К 70-летию института «Карагандагипрошахт»

РАССКАЗЫ
(2007 – 2010 гг)

2011 год

ДЕТСКИЙ ПРИЁМНИК
«Ограничения»*, гл.7, 2007 г.

До Серова я ехал несколько часов. Вагон был переполнен, приходилось стоять, и рядом со мной стоял пацан, ехавший куда-то в сторону Нижнего Тагила. Мы разговорились, но началась проверка документов, и пацана задержали – он предъявил какую-то справку с протёртыми до дыр углами и со свежей датой.

- Дата подделана, - сказал солдат-стрелок и передал мальчишку другому стрелку.

Потом он просмотрел мои бумаги и вдруг сказал:

- Ты из Тюхтета? Я тоже оттуда. Где ты там жил? Это недалеко от наших, ты должен знать моего Вовку!

Сына его я не вспомнил, но не решился в этом признаться и как мог отвечал на его вопросы, что-то рассказывал про Тюхтет, в котором он, видно, давно не был. Довольный, что я напомнил ему родные места, он похлопал меня по плечу и пошёл по вагону дальше.

Наконец наш поезд прибыл в Серов. У меня было пятнадцать рублей, которые дала мне тётя Шура. Рядом с вокзалом находился кинотеатр и я решил сначала сходить в кино. Там я впервые посмотрел американский фильм – цветной боевик с голубым океаном, зелёными пальмами и тайфуном (кажется, фильм назывался «Ураган»). На привокзальном базарчике я купил шаньгу и чекушку молока. Шаньгу я съел тут же возле прилавка, запил её молоком и, вернув пустую чекушку, отправился искать детприёмник.

Нашёл я его быстро – он находился недалеко от вокзала.

Подойдя к нему, я увидел высокий кирпичный забор с колючей проволокой поверху, глухие ворота и проходную, в которой сидел охранник.

Посмотрев моё направление, охранник пропустил меня через проходную. Я оказался в небольшом дворе, в глубине которого находилось серое здание. У его входа стояла группа наголо остриженных мальчишек в серых халатах. Увидев, что я пришёл без милиционера, один из них сказал:

- Идиот, сам пришёл!

Это заведение официально называлось «Детский приёмник-распределитель при железнодорожном отделении милиции станции Надеждинск» (так раньше назывался город Серов). Сюда собирали беспризорников, которых милиция снимала с поездов и вылавливала на вокзалах. Многие из них были бывальыми бродяжками, умевшими и попрошайничать, и воровать. Документов ни у кого не было, у каждого была придуманная семейная история, многие называли вымышленные фамилии. Тот, кто постарше, старался снизить свой возраст, так как сюда принимали только до 14-ти лет. Более старших увозили в ФЗО (школы фабрично-заводского обучения) или передавали на какое-нибудь производство. Легенды, придуманные беспризорниками, здесь вынуждены были принимать на веру и только их возраст определяла специальная медицинская комиссия.

Я был крупнее сверстников, и, несмотря на то, что у меня были все документы и мне было только 12 лет, меня пытались отправить учеником на обувную фабрику. Но я сказал, что пришёл сюда сам, что хочу учиться в школе, и, если меня не отправят в детдом, я сбегу. После этого от меня отстали.

Беспризорники были самых разных национальностей, и среди них, наверняка, были немцы. Но кто же в этом сознается? Только про меня было известно, что я немец. И меня невзлюбила одна из воспитательниц, крупная женщина с очень сильным косоглазием. Когда на вечерней поверке она кого-нибудь отчитывала, уставившись на него своим глазом, на другом конце строя поёживался пацан, на которого смотрел другой её глаз. Она постоянно цеплялась ко мне, стремилась как-то задеть. Она могла громко сказать:

- Ну, ты, фриц, иди сюда!

или:

-Эй, немчонок, встань в строй!

И пока я был в детприёмнике, она продолжала меня травить. И, как я понял из её намёков, попытка отправить меня на обувную фабрику была её же затеей.

Другие воспитательницы были обыкновенными женщинами и, понимая, что я не шпана и не уголовник, относились ко мне хорошо - расспрашивали откуда я, где мои родители. Они разрешали мне выходить за ворота и брать книги в городской библиотеке, которая обслуживала и детприёмник. И я проводил часы за чтением книг.

Кроме чтения, заняться здесь было нечем, и ребята целый день слонялись без дела – школьных занятий не было, играть было негде из-за тесноты. Воспитательницы нами не занимались – их задачей было следить за порядком. Только иногда они разучивали с нами военные песни и марши, постоянно звучавшие по репродуктору в эти последние дни войны.

Каждые десять дней нас водили в городскую баню и для нас это было большим событием. Перед походом в баню мы снимали

серые халаты и одевали, так называемые, «американские подарки». Эта заграничная детская одежда имела яркую и пёструю окраску, была диковинных фасонов с разными замочками и блестящими пуговицами. Многим она была не по размеру – кто-то с трудом влезал в красный вельветовый комбинезончик, один из младших запахивал на себе оранжевую кофту, подпоясываясь шнурком, кто-то подворачивал штаны в крупную клетку. А девчонки специально искали что-нибудь «понаряднее».

И вот толпа серолицых, наголо остриженных мальчишек и девчонок в разноцветной иностранной одежде нестройно вышагивала посреди улицы, громко распевая военные песни. Наша колонна привлекала всеобщее внимание. Смеясь и что-то выкрикивая, за нами двигались городские мальчишки. Улыбаясь, останавливались прохожие. Произведённым эффектом были довольны наши воспитательницы – «заграничное» одяние должно было демонстрировать наше благосостояние, а громкие песни – высокий уровень их «воспитательной» работы.

Прошёл апрель, наступил май. В День Победы, 9 мая, все мы радовались окончанию войны. Теперь всё изменится к лучшему и я мечтал, что скоро встречу с родителями и мы опять будем вместе...

Время тянулось, а меня никуда не направляли.

Наконец, в двадцатых числах мая одна из воспитательниц повезла меня и ещё одного мальчишку в Кленовской детский дом, который находился на другом краю Свердловской области.

**) Опубликовано в московском журнале «Континент» (М., №137, 2008) и на сайтах www.wolgadeutsche.ru/Riedel.htm и www.proza.ru/avtor/robriedel*

* * *

Я – ПРОЕКТИРОВЩИК
«Записки горного инженера (эпизоды)»*,
гл.2, 2008 г.

Ещё в техникуме я слышал, с каким уважением говорили об институте «Карагандагипрошахт». По его проектам построены карагандинские шахты и почти вся тогдашняя Караганда. А ещё хвалили художественную самодеятельность института, которая была лучшей в городе. А его здание с часами и полуколоннами было одним из красивейших в городе.

Управление по взрывным работам, куда меня направили после техникума, через год объединили с другой организацией, и нам дали право самим выбирать место работы. Я сразу подумал об этом институте – он мне казался каким-то «храмом науки». Но главным было то, что там работали днём, а по вечерам я мог учиться – в недавно созданном горном институте открыли вечернее отделение.

В эти дни мне встретился мой сокурсник Володя Вайнерт, который рассказал, как после десятого класса он какое-то время работал в этом институте. Узнав, что я собираюсь туда поступать, он сказал:

- Если не возьмут в горный отдел, просись в сантехнический, я там работал.

В один из декабрьских дней 1954 года я явился к директору института «Карагандагипрошахт» Борису Сергеевичу Курдюеву.

Крупный блондин, с прямо-таки арийским лицом, выслушав меня, сказал:

- Техники нам не нужны, нужны инженеры.

Тут я вспомнил Володю Вайнерта:

- Тогда примите в сантехнический отдел, я там научусь.

Он как-то странно возразил:

- Вы научитесь, а потом уйдёте.

Увидев, как я расстроился, он сказал:

- Попробуйте зайти в технический отдел, у них там срочная работа. Возможно, Вас возьмут.

Технический отдел оказался большой комнатой, заставленной столами, за которыми трудились люди. Я подошёл к руководителю этой «срочной работы», Игорю Владимировичу Плавельскому, чем-то похожего на Скумбриевича из «Золотого телёнка» (небольшой рост и голова рекламного англичанина).

Предложив стул, он спросил:

- Что Вы окончили?

Я ответил.

Он взял лист бумаги и, написав какую-то формулу, пододвинул мне:

- Попробуйте взять первую производную.

Высшую математику я проходил три года назад и смотрел на формулу со странным чувством – она решала мою судьбу.

Откуда-то вспомнились полузабытые правила высшей математики. И эту чёртову производную я взял!

Приняли меня на должность техника (первый месяц я был младшим техником), и я с головой окунулся в новую для меня работу.

+ + +

...Не успели мы закончить эту «срочную работу», как нас, несколько человек, перебросили в горный отдел, где срывались сроки другой «срочной работы». Я был новичок, техник, и доверить мне могли только самую простую, почти техническую работу. Мне поручили нанести шахтные стволы на календарный план отработки нескольких угольных пластов. Выполнив задание, я подошёл к руководителю этой работы, Е. Ф. Дикю:

- Задание я выполнил, но в порядке отработки, по-моему, ошибка – нижние пласты опережают верхние (этого нельзя делать по условиям безопасности).

Чертежи проверили, замечание подтвердилось. Дик, отличавшийся импульсивным характером, накричал на исполнительницу и вернул календари на переделку.

Возможно, что после этого случая, на меня обратили внимание, предложили остаться в горном отделе, пообещали прибавку в зарплате. В техотделе я занимался экономическими расчётами, а здесь - конкретное проектирование, и я, конечно, согласился.

Меня перевели на должность старшего техника и поручили проект горизонта угольной шахты. С шахтами я был знаком, да и в техникуме нас неплохо готовили, но всё это было «вообще». А проектировщику надо знать особенности конкретной шахты, особенно, если она опасна по взрывам метана и угольной пыли (а в Караганде они все опасны), ему должны быть известны многочисленные, жёстко нормированные детали подземных выработок и узлов их сопряжения, да ещё много чего, с чем я ещё не был знаком. Но меня «подстраховывала» руководитель

нашей группы (групповод) Мая Николаевна Ан, спокойная кореянка, мне помогали опытные проектировщики, работавшие за соседними чертёжными комбайнами.

Я выполнил большую часть проекта, работал над чертежом околоствольного двора, когда ко мне подошёл начальник горного отдела Сергей Сынгович Квон:

- Слушай, Роберт, нам заказали Волынский каменный карьер, а открытчиков у нас мало, да и те заняты Экибастузом. Мы хотим тебе поручить этот проект.
- Но я не очень знаком с открытыми работами.
- Ничего, тебе ещё надо учиться проектировать, так начинай с карьера.

Это был первый мой проект, связанный разработкой полезных ископаемых открытым способом. Пришлось перелопатить десятки книг, поездить по действующим каменным карьерам.

И ещё одна сложность – Л. П. Любушкина, главный инженер этого проекта (сокращённо ГИП), на несколько месяцев уехала лечиться, и руководить проектом пришлось мне. Опыта у меня, конечно, не было, и решения я принимал больше логически. На карьере должно быть электричество - я выдавал задание на электроснабжение, должна быть связь - я выдавал задания на связь и т. д. Я боялся ошибиться и иногда чувствовал себя щенком, брошенном в воду, чтобы научился плавать. Но я «выплыл» - проект мы закончили. А в глазах коллег я стал настоящим открытчиком.

С этим связан ещё один, уже трагикомичный случай. Проект мы доложили заказчику, и, когда готовили заключительный протокол, ГИП наклонилась ко мне:

- Давайте напишем, что вы инженер, а то неудобно...

Я растерялся – написать, что я техник, ей было неудобно, а перевести меня на более высокую должность или, хотя бы, поднять мою мизерную зарплату, ей не приходило в голову. Но спорить было себе дороже...

Всё это происходило в 1955 году. Открытыми разработками я занимался потом более сорока лет, стал специалистом в этой области. А всё начиналось с многопластового календаря – из-за него меня оставили в горном отделе, где я стал проектировать сначала каменные карьеры, а потом и угольные разрезы.

**) Опубликовано на сайтах www.wolgadeutsche.ru/Riedel.htm и www.proza.ru/avtor/robriedel*

* * *

ПУШКИНСКИЙ РУБЛЬ

«Записки горного инженера (эпизоды)», гл. 8.

После работ над проектом разреза «Богатырь» я занялся исследованием проблем качества угля, добытого роторными экскаваторами (здесьгодились мои алгоритмы, [имитирующие отработку сложных забоев]).

Наш не научный, а проектный институт имел другие, производственные задачи (план, сроки), и исследованиями я занимался между делом, иногда даже дома. Эти мои занятия, в том числе и алгоритмы, воспринимались, особенно в начале, как своего рода хобби, вид чудачества. И я благодарен нашему

директору, Б. С. Курдяеву, который, не очень представляя, чем я занимаюсь, не препятствовал этим моим «чуждачествам».

Хочу отметить, что полагаться на специалистов ему приходилось во многом – институт проектировал горные предприятия, а он был инженер – строитель. Но он как-то выходил из положения – директором, и не плохим, он проработал три десятилетия, при нём наш институт стал одним из крупнейших в угольной отрасли. Сказывалась его интеллигентность, умение подбирать специалистов, умение находить язык с многочисленными «начальствующими» организациями – от партийных (райком, горком, обком), до административных (министерства, совнархозы).

Проведенные мной исследования показали, что с качеством угля связана эффективность всего топливно-энергетического комплекса – и угольных разрезов и тепловых электростанций. С материалами исследований я выступал в печати, я изложил их в диссертации (1971 год), в книге «Прогнозирование и оптимизация качества угля на разрезах» (М, Недра, 1980)*.

Среди прочего, я предлагал перейти от сегодняшней, селективной, к валовой технологии добычных работ, когда большая часть пласта вовлекается в добытый уголь.

Эта идея (конечно, не сразу) дошла до московского начальства - она обещала большие выгоды. За неё ухватились, включили в постановление правительства о развитии Экибастузского топливно-энергетического комплекса .

Но, чтобы перейти на валовую технологию, надо изменить стандарт качества угля. Новый стандарт разрабатывал другой институт (КНИУИ), но по моим материалам, поэтому меня включили в соавторы и предложили самому его отстаивать в Госстандарте СССР. А отстаивать было непросто, он ломал сложившиеся традиции.

Новый стандарт качества углей (ГОСТ 8779-79) был утверждён в 1979 году. И уже на следующий год все разрезы бассейна стали переходить на экономичную валовую технологию угледобычи, а геологи стали готовиться к пересчёту запасов угля в недрах.

С кондициями на пересчёт запасов я приехал в ГКЗ СССР (Госкомитет по запасам). Там меня встретили с недоумением, настолько необычны были наши предложения - допустимую зольность угля мы предлагали увеличить почти до зольности пустой породы (с учётом последующего усреднения). Но всё решил председатель ГКЗ, маститый геолог К. В. Миронов. Пригласив меня в кабинет, он сразу уловил суть моих предложений. Кондиции утвердили, и геологи приступили к пересчёту запасов.

С проектом этих кондиций у меня произошло две истории. Первая связана с тем, что министерство «приладились» назначать меня председателем комиссий по экспертизе проектов крупных угольных разрезов. Вызывали в Москву, я подбирал экспертов (инженеров, учёных), и иногда до месяца был занят экспертизой. А моя работа в институте стояла! Меня, по возможности, замещали, но работы, связанные с моими исследованиями, были авторские, их никто не знал, и замещать меня было некому.

В тот раз меня вызвали в Москву для экспертизы проекта одного из сибирских разрезов. Автором проекта был ленинградский институт «Гипрошахт». Для завершения экспертизы мы (я и два специалиста из нашего института) отправились в Ленинград. В «Гипрошахте» нас, кстати сказать, встретили с некоторым пренебрежением (фи, какие-то из провинции), а провожали со всем возможным уважением.

Проект кондиций надо было завершить в установленный министерством срок, а я всё ещё «сидел» Ленинграде. За срыв срока, как и за всякое невыполнение плана, пострадал бы весь

коллектив. Когда я, наконец, вернулся, пришлось работать, как говорится, день и ночь, чтобы успеть завершить проект.

Вторая история связана с защитой проекта кондиций. Мы с женой были в гостях у моего отца, который тогда жил в городке Смела, на Украине. Наш отпуск подходил к концу, у нас уже были билеты на поезд, когда поздним вечером, часов в одиннадцать, постучался почтальон, и вручил нам телеграмму, в которой стояло, что мне надо срочно позвонить в институт. Телефона у отца не было, и только утром, по слякотной осенней погоде мы добрались до почты, заказали разговор с Карагандой. После долгого ожидания нам сказали, что линия нарушена и сегодня разговора не будет. Но надо было уезжать, и всю долгую дорогу мы переживали, не случилось ли что-нибудь с нашими детьми, почему пришла такая телеграмма? Наш отпуск был, конечно, испорчен.

А оказалось просто – мне собирались предложить ехать сразу в Москву для защиты проекта кондиций – вместо меня поехать никто не мог. Пришлось им защиту переносить.

Следующие нескольких лет я наблюдал, как подтверждались мои прогнозы – производительность экскаваторов по углю выросла на 30-40%, уменьшились затраты на добычу угля (экономия составляла десятки, если не сотни миллионов рублей – один рубль тогда равнялся, примерно, доллару), во много раз сократились потери угля. На породных отвалах, где складировались эти потери, прекратились километровые пожары, от которых задыхался город Экибастуз, и из-за которых опасно было работать – на выгоревших участках проваливались железнодорожные пути, угорали и падали путевые рабочие, в холода гибли сотни птиц, отравленные угарным газом.

Надо отметить, что реализация моих предложений была бы невозможна без активного содействия Дмитрия Павловича Мелехова, одного из технических руководителей объединения

«Экибастузуголь». В отличие от многих производственников, он понимал важность взаимодействия с проектировщиками, возможно, ещё и потому, что много лет работал маркшейдером, а эту профессию я отношу к горняцкой элите.

И впоследствии многие реализованные идеи, очень серьёзные, мы с ним решали тандемом, дополняя друг друга. При этом проявлялись его опыт и знания, да ещё характер, который, как говорится, у него был – он происходил из донских казаков.

Пересчёт запасов угля закончили в 1987 году. Они выросли, как и по моим расчётам, в полтора раза, на пять миллиардов тонн. Прирост произошёл, как говорится, «на кончике пера» – без дополнительных разведочных работ и в тех же границах.

Сегодня я могу сказать, что мои работы дали толчок к большим преобразованиям в бассейне (валовая выемка, усреднительные комплексы и др.). О моей роли в этих событиях, о моих исследованиях знали специалисты, знали учёные – среди них у меня был вполне приличный авторитет. Но об этом мало кто знал в нашем министерстве – все эти события приписал себе в заслугу кто-то «наверху». И не удивительно, что никаких поощрений со стороны министерства я не имел, ни моральных, ни материальных.

Но меня всё-же «отблагодарили».

Летом 1987 года в Экибастуз приехал Михаил Иванович Щадов, недавно назначенный министр угольной промышленности СССР. До этого он был заместителем министра, курировал открытую угледобычу, и к Экибастузу имел особое пристрастие. И о здешних преобразованиях он, конечно, был в курсе.

С группой руководителей и специалистов, среди которых был и я, министр приехал на разрез «Богатырь». По серпантинам на борту разреза кавалькада машин спустилась вниз, на добычной горизонт. На огромной площади, чёрной от угля, шла своя

жизнь. Трудились огромные роторные экскаваторы – ритмично поворачиваясь и нескоро вращая роторное колесо, каждый отработывал свой забой, загружая уголь в железнодорожные вагоны. По многочисленным путям двигались порожние и загруженные углём «вертушки» (электровозы с десятком вагонов).

Группа во главе с министром вышла из машин и отправилась пешком. Жарко светило солнце, и министр оставил пиджак в машине, оставшись в белой рубашке. Мы переходили от объекта к объекту – для приезжих всё здесь было необычно, всё интересно. Группа остановилась у одного из экскаваторов, и министру сказали, что местные умельцы что-то там переделали и надо бы дать им премию.

- Что-то уж часто у меня просят премии. Вчера вот проектировщики просили...

Все заулыбались, некоторые посмотрели в мою сторону (я был единственным здесь проектировщиком). Министр имел ввиду не нас (мы премий не просили), но реплика меня задела и у меня вырвалось:

- Какие премии? По моим кондициям запасы выросли на пять миллиардов тонн, а я и рубля не получил!

Министр посмотрел на меня (о приросте запасов угля он, видно, что-то знал) и сказал кому-то:

- Принеси-ка мой пиджак (он ко всем обращался на «ты»).

Из машины, следовавшей за нами, принесли пиджак. Министр пошарил по карманам, достал заблестевшую на солнце большую монету и, «торжественно» вручив её мне, сказал:

- Вот, мы с тобой в расчёте!

В первое мгновение я растерялся, мелькнула мысль бросить монету министру в лицо. Но я сдержался и стал её рассматривать – это был новенький юбилейный рубль, посвящённый 150-летию со дня смерти А. С. Пушкина. Ну, что ж, будем считать его подарком, подумал я, и не очень искренно поблагодарил министра.

А пушкинская монета лежит в моём столе до сих пор...

**) Проблема актуальна и сегодня - ссылку на мою книгу я обнаружил в журнале «Новое в российской энергетике» (№ 6 за 2005 год). И в 2010 году я встретил ссылку на неё в печати. Это через тридцать лет после выхода книги из печати!*

* * *

ЛАУРЕАТСКАЯ МЕДАЛЬ
„Записки горного инженера (эпизоды)»,
отрывок из гл.11.

В 1988 году за ускоренное освоение Шубаркольского угольного месторождения группу специалистов, в том числе и меня, наградили Государственной премией СССР.

Постановление напечатали в «Правде» от 7 ноября 1988 года. Были шумные поздравления, звонки из других городов. А мы, награждённые, стали ждать вызова в Москву для получения награды.

Примерно, через месяц каждому из нас пришёл вызов, но не из Москвы, как мы ожидали, а из Алма-Аты, которая уже набирала силу. Правительственная телеграмма, которую мне вручили, была подписана Н. А. Назарбаевым, тогдашним главой правительства Казахской ССР.

Я стал готовиться, но пришла правительственная телеграмма из Москвы - меня вызывали в министерство для защиты одного из наших проектов.

С телеграммами в руках я пришёл к директору института, И. Я. Мирному:

- Я бы поехал в Алма-Ату, такое бывает раз в жизни.

Директор ответил не сразу – не подчиниться министерству он не мог, но послушаться казахстанских руководителей тоже опасался. Он стал звонить в министерство, но там настаивали на своём. Пришлось лететь в Москву.

Товарищи по «лауреатству» потом рассказывали, как торжественно вручали им медали, каким шикарным был потом банкет.

А мою медаль увезли обратно в Москву, я смогу её получить в Комитете по государственным премиям.

Командировки в Москву разрешались по вызову министерства, пришлось ждать okazji. Дождался я её в феврале следующего года – меня вызывали по каким-то делам.

...Несколько дней я был занят командировочными делами. Потом отправился в Комитет по госпремиям, где в будничной обстановке мне вручили лауреатскую медаль вместе с удостоверением и некоей суммой денег.

Вместе со мной такую же медаль получил крепкий мужчина, производственник с какого-то номерного завода. Когда мы

вышли из кабинета с медалями в руках, он сказал кому-то из своих:

- Скажу Михеичу, чтобы сделал дубликат, а эту медаль я положу, буду хранить.

...Только в самолёте, возвращаясь домой, до меня, как говорится, «дошло» - я лауреат государственной премии СССР, государство меня оценило. Было, конечно, чувство гордости, но, при этом, и некоторая горечь – сам себя я бы наградил за другое - за мои работы по Экибастузу*. За заключительный этап этих работ, за прирост запасов угля «на кончике пера», меня-таки «наградили» - пушкинским рублём.

Но «награждали» меня не только рублём, но и выговором в приказе. Об этом выговоре я как-то сказал Б. С. Курдюеву, нашему директору. Он удивился:

- Не может быть!

И я напомнил ему эту историю.

Было это в 1965 году. От Совета министров Казахской ССР пришла телеграмма с приказом – разработать проект разреза на Алакульском угольном месторождении. Срок разработки - один месяц, стоимость строительства - не более одного миллиона рублей (только такую сумму могла утверждать республика).

На такой проект надо полгода, а то и больше, да и месторождение нам не знакомо. Но приказ есть приказ, надо выполнять. Меня назначили ГИПом и дали «зелёную улицу» - к работе подключили почти весь институт.

Месторождение необычное – находится в горах, в пределах знаменитых Джунгарских ворот, через которые проходили полчища татаро-монголов. Недалеко от него озеро Джаланашколь, по берегу которого проходит железная дорога Актогай-Дружба. Но самым необычным было то, что

месторождение лежит в приграничной полосе, и нижние его горизонты, которые мы отнесли к шахтной отработке, уходят на китайскую территорию.

Проект разреза мы сделали, и почти в срок. Но стоимость строительства я превысил более, чем в два раза – район-то не освоенный, да и климат там суровый.

Я вылетал в Алма-Ату с материалами проекта, когда к самолёту мне принесли последний чертёж – план района строительства.

В Алма-Ате пришлось «повоевать», но всё прошло благополучно, и возвращаясь, я прикидывал, на какую премию мы могли бы рассчитывать. Но меня пригласил начальник первого отдела:

- Вы нарушили режим секретных документов, и Вам объявлен выговор. Вот, ознакомьтесь с приказом.

И действительно, на чертеже, который мне в спешке передали к самолёту, одна из линий скромно обозначалась как «государственная граница»... Ошибка не моя, но я ГИП и за всё отвечал.

Через год в Китае началась «культурная революция», в 1969 году произошли известные события у озера Джаланашколь, и с освоением месторождения пришлось подождать.

Так что мои награды имеют довольно приличный диапазон – от сомнительных (выговор в приказе, «пушкинский рубль»), до одной из самых почётных в стране - до Государственной премии СССР.

**) О важности Экибастуза можно судить хотя бы по тому, что в 1987-88гг. добычу угля там довели до 90 млн. тонн в год (это в два*

раза больше, чем добывали все шахты Карагандинского бассейна). А потом развалился Союз...

* *

ЭПИЗОДЫ

«Записки горного инженера (эпизоды)», гл. 21.

Мнимая смерть. Мы с женой отдыхали в подмосковном доме отдыха «Шахтёр», и в столовой сидели вместе с почтенной супружеской парой из Киева. В разговоре я упомянул карагандинскую шахту, названную именем заслуженного горняка-казаха. Наш сосед (имени его не помню, назовём его Анатолием Ивановичем) оживился:

- А я с ним работал, в сороковые годы – он был начальником шахты, а я главным инженером. Он из рабочих-выдвиженцев – рабочий он был хороший, а начальник шахты...

Он засмеялся и добавил:

- Так и со Стахановым было, тогда он тоже был в Караганде, начальником тридцать первой шахты.

Я вспомнил эту шахту – мы проводили на ней взрывные работы.

С этим соседом произошла не совсем обычная история.

Утром его супруга пришла одна:

- Анатолия Ивановича ночью увезли в больницу – сердечный приступ.

-

Потом по дом отдыха разнёсса слух – наш сосед умер. Мы, конечно, были потрясены. На ужин наша соседка не пришла.

На следующий день она пришла к завтраку, но следов горя мы у неё не заметили - она оживлённо разговаривала, даже шутила. Мы не знали, что и думать, возможно, что-то с психикой. С других столов на нас бросали удивлённые взгляды.

Когда мы осторожно спросили про Анатолия Ивановича, она сказала:

- А, это. Позвонили из больницы и сказали, что он умер. Я стала звонить сыну, а потом выяснилось, это не Анатолий Иванович, а его полный тёзка, в больнице перепутали. Сегодня его выписывают.

На ужин пришёл бодрый Анатолий Иванович, он ничего не знал об этой истории.

ooooo

В дюралевой бочке. Летом 1959 года мне предстояло первый раз лететь в самолёте - вместе с командированной москвичкой мы направлялись в Экибастуз.

Объявили посадку, мы прошли на лётное поле и по лёгкой лестнице поднялись в самолёт. Пассажиров было мало, кроме нас, ещё несколько человек.

Это был грузовой самолёт Ли-2, ещё с войны. Изнутри он напоминал дюралевую бочку с откидными скамейками по сторонам. На передней стенке - дверь в кабину лётчиков, над ней циферблат высотометра, у пола – трубка, из которой подавался свежий воздух..

Москвичка, закутав голову косынкой, легла на скамейку и до Экибастуза не поднималась.

Самолёт взлетел и взял направление на Экибастуз.

Погода была отличной, жарко светило солнце, от которого стенки самолёта быстро нагрелись. Стало жарко, как в духовке. Воздуха из трубки поступало мало, один из пассажиров, молодой парень, даже присел возле неё, чтобы немного охладиться. И не прекращалась болтанка – самолёт проваливался, потом поднимался, снова проваливался, опять поднимался, и так все два часа, пока мы летели.

Я старался не обращать внимание на эти неудобства – смотрел в иллюминатор, наблюдал за стрелкой высотомера.

Самолёт, наконец, приземлился, все спустились по такой же лестнице на травяное поле аэродрома.

Измученная москвичка сказала:

- Так плохо я никогда ещё не летала!

А я то думал, что в самолётах так бывает всегда...

ooooo

Тазик с безином. На стройки, для проведения авторского надзора, мы выезжали на небольшом автобусе. Наш водитель, которому было за пятьдесят, ещё в тридцатые годы возил геологов, даже англичан. И ещё – он хорошо говорил по-казахски, и однажды это нас, можно сказать, спасло.

Тогда ещё не было дороги вдоль канала Иртыш-Караганда, и в Экибастуз, на угольные разрезы мы ехали по запутанным степным дорогам.

Был октябрь месяц, мы возвращались в Караганду. Выехали вечером, быстро стемнело, в свете фар мелькала дорога,

проскакивали тушканчики. На одной из многочисленных развилок (указателей, конечно, не было) мы свернули на дорогу, которая повела нас в сторону от нужного направления. Так и ехали, пока не поняли, что заблудились.

Иногда попадались овчарни, небольшие аулы, где все уже спали. В одном из аулов водитель остановился, постучал в окно землянки. Окно засветилось, кто-то вышел, водитель спросил дорогу на Караганду, и мы поехали дальше.

До Караганды более трёхсот километров, а мы сделали большой крюк, поэтому бензин заканчивался. Было морозно, и, остановившись в степи, мы могли просто замёрзнуть. Надо было что-то делать.

Уже глубокой ночью мы въехали в тёмный аул. Автобус остановился, водитель куда-то ушёл, его долго не было. Наконец, он пришёл, держа в руках замызганный тазик с бензином.

- Как ты это достал?

- Народ здесь неплохой, всегда помогут, а бензин мне дали, когда я заговорил по-казахски, отлили из какой-то машины .

Домой мы добрались только к утру.

oooo

Ремонтный рабочий. Тогда существовала система прописки, а в Москве она была особенно жёсткой. Что уж она контролировала, не знаю, но в московских институтах (проектных, научно-исследовательских) нам встречались довольно слабые работники, и держали их потому, что у институтов не было возможности пригласить с периферии нужных специалистов. Об этом «голоде в кадрах» я ещё раз убедился, когда в 1981 году получил сразу несколько

предложений на работу, в том числе и от московского института.

Но мешала прописка. Чтобы «обойти» эту проблему, в институте предложили «хитрую» схему:

- Нам разрешили нанять рабочих не из Москвы, для ремонта нашего здания. Мы оформим Вас рабочим, какое-то время будете в бригаде, а потом переведём Вас в институт.

Я, конечно, отказался, остался в Караганде и подал на конкурс в политехнический институт, куда меня тоже приглашали.

ooooo

Беспартийный. В конце семидесятых меня в очередной раз вызвали в Москву и назначили председателем экспертной комиссии по проекту крупного угольного разреза. Комиссия завершила работу, наши заключения я передал в экспертное управление и уже собирался домой, когда начальник управления пригласил меня в кабинет. Предложив сесть, он спросил:

- Вы член партии?
- Нет.

Он остановился, будто споткнувшись – он настроился на серьёзный разговор, а тут такой ответ... Дальше разговор пошёл о каких-то мелочах.

Об этом странном разговоре я рассказал главному эксперту министерства по открытым горным работам, человеку в возрасте, с благородной сединой. Он сказал:

- Ничего странного – я ухожу на пенсию, и я ему сказал, что, кроме Вас, я никого на моё место не вижу.

На этом всё и кончилось – я оказался беспартийный, а в министерстве работали только члены партии...

Не связывая напрямую, что не я работал в министерской экспертизе, я скажу, что в последнее десятилетие она становилась всё слабее и слабее. Были случаи, когда нас просили самим назвать погрешности в проекте, чтобы они могли отрапортовать о своей работе.

Спустя несколько лет, эту историю с вопросом я рассказал начальнику нашего проектного главка, сказал, что я мог бы сейчас работать в министерстве, в экспертизе. Неожиданно он сказал:

- А зачем Вам чужие горшки таскать? У Вас своя работа.

Возможно, и так...

ooooo

Урок дипломатии. Роторные экскаваторы для каменных углей уже создавали, но к окончанию первой очереди разреза «Богатырь» они не успевали. Решили приспособить экскаваторы немецкой фирмы «Такраф» (ГДР), заменив их широкие зубья на острые.

Первый немецкий экскаватор привезли в Экибастуз, смонтировали на одном из действующих разрезов. На приёмные испытания (это было 1970 году) собрали комиссию, куда вошли производственники, учёные, проектировщики и представители фирмы-изготовителя.

Испытаниям придавалось особое значение – на каменных углях экскаватор работал впервые. Но приёмка не состоялась - мы обнаружили отклонения от контракта, и испытания остановили.

Членов комиссии вызвали в Москву, приехали представители фирмы. Мы приготовились отстаивать наши претензии, немцы даже адвоката с собой привезли.

Все собрались в помещении «Машиноимпорта».

Председательствующий, представитель «Машиноимпорта», предоставил слово немецкой стороне. Те объяснили, почему они отклонились от контракта. Мы стали возражать, но председательствующий, прервав нас, обратился к немцам:

-Так вы признаёте, что отклонились от контракта?

Немцы снова стали объяснять, мы опять пытались возражать, но всех остановил вопрос к немецкой стороне:

- Так вы признаёте, что отклонились от контракта?

- Да, но...

И так несколько раз, пока не было сказано: «Да, отклонились»

«Дискуссия» на этом завершилась.

Обсудили текущие вопросы - о продолжении испытаний, о разделении дополнительных затрат, и совещание закончилось.

А мы получили наглядный урок дипломатии – блестящий пример ведения переговоров, которые могли скатиться в бесконечные споры.

ooooo

«Элка». На недавно построенном сверхмощном разрезе «Берёзовский», в Сибири, возникли проблемы, и для их решения министерство направило группу специалистов и учёных, в составе которой находился и я. Из разных городов мы съехались в Красноярск, из которого поездом добрались до городка Шарыпово, где находился разрез.

Особенность разреза была в том, что с новой Берёзовской ГРЭС он был связан сдвоенной конвейерной линией

протяжённостью 14 км (каждый конвейер - производительностью шесть тысяч тонн угля в час).

Уже на месте мы выяснили, что при создании этих жёстко связанных предприятий не учли различие их производственных циклов, особенно, сезонных. В суровую сибирскую зиму разрез неизбежно снижает добычу, а на электростанции самый максимум нагрузки. Летом наоборот – разрез может добыть много угля, а электростанции столько не нужно. И запастись углём невозможно – он бурый и быстро самовозгорается.

Не вдаваясь в детали, скажу, что мы нашли решение – предложили создать «буферный» добычный участок и показали, как это быстро сделать.

Автор проекта, институт «Сибгипрошахт», находился в Новосибирске, и группа отправилась туда. Выехали поездом (местные самолёты туда не летали – другая область), но мне надо готовиться к докладу министру, и меня отправили вперёд на небольшом ведомственном самолёте. Я впервые видел такой самолёт – Л-410, чехословацкого производства, в Союзе его называли «Элка». В кабине с десятком пассажиров, большие окна, и приличная, как я понял уже в полёте, скорость (не то, что у АН-2, на которых мы летали по Карагандинской области).

Полёт был нормальный, но перед Новосибирском «Элка» стал обходить грозовые облака, лихо разворачиваясь то в одну, то в другую сторону. Через большие окна я хорошо видел препятствия, которые «объезжал» наш самолётик, я хорошо понимал его манёвр («я сделал бы так же»). В какой-то момент было ощущение, что я сам веду самолёт. Эффект усиливался тем, что земля была как на ладони – кабина находилась под крылом самолёта. И я впервые почувствовал красоту полёта - вираж, другой, как на крутой горке. Завершился полёт лихой посадкой на бетонной полосе аэропорта.

И я подумал:

- Возможно, и я мог бы стать лётчиком.

ooooo

На полигоне. В 1967 году было открыто Юбилейное угольное месторождение, которое мы оценили как очень перспективное - уголь хороший, запасы угля - миллиард тонн. Но разведовать дальше, почему-то, не стали. Только в частной беседе геологи намекнули, что оно находится на территории Семипалатинского ядерного полигона и их туда не пускают. О существовании полигона мы, конечно, знали, и не только из газет – при ядерных взрывах у нас звенела посуда, качались люстры.

Только через двадцать лет, когда полигон закрыли, разведку месторождения продолжили. Ему дали новое название – Каражыра.

Крупная семипалатинская фирма решила немедленно приступить к его разработке и обратилась к нам за составлением проекта разведочно-эксплуатационного разреза. Но я отказался – это ведь полигон, хоть и бывший, до перехода на подземные испытания ядерные заряды взрывали над поверхностью, и его территория, наверняка загрязнена радиоактивными осадками.

Подключили специальную геологическую экспедицию, которая установила, что на прилегающей к месторождению территории есть участки, загрязнённые радиоактивными элементами, в основном, плутонием, одна частица которого, как нам сказали, попав в лёгкие, может убить человека. А это степь, кругом ветра!

В проекте, к которому мы приступили, загрязнённые участки засыпаются метровым слоем грунта. А сейчас-то они оставались открытыми!

Проектировщикам, и, особенно, нашим изыскателям приходилось часто бывать на полигоне. Был там и я. Останавливались мы в вахтовом посёлке Балапан, который был

построен для персонала, производившего ядерные испытания. Посёлок был странный – из жилых помещений только большая гостиница, остальное – вспомогательные службы..

На полигоне мы видели заражённые участки, странные копры над стволами, в которых когда-то проводились подземные испытания (на карте геологов они обозначались как «боевые скважины»), и от этого было беспокойно.

Опасность, конечно, была, но она была незаметной, и люди выполняли свою работу, не очень обращая на неё внимание.

...Из-за полигона или нет, не знаю, но один из изыскателей, буквально шагами исходивший площадку строительства, через короткое время умер. И я долгое время прислушивался к себе – не вдохнул ли и я частицу плутония?

* * *

КАРЛАГ И КАРТОШКА (2010 г.)*

Дело было в 1955 году, в первый год моей работы в «Карагандагипрошахте». Тогда все жили не богато, а, если точнее, бедно, и на предприятиях старались как-то поддержать своих работников. Одним из таких мероприятий была осенняя кампания по заготовке овощей. Предприятия организованно привозили овощи (капусту, картофель), люди их раскупали и мешками развозили по домам – кто на служебном грузовике

(своих машин не было), а когда уже лежал снег, то и на детских санках.

В тот год у нас произошла заминка с картофелем – то ли завезли его мало, то ли продавали по слишком высокой цене. Викман, один из ведущих конструкторов института, «отсидевший» годы в Карлаге, предложил:

- Съездим в Долинку, на карлаговские огороды, там можно взять картошку у охраны, за водку. Я за картошкой так уже ездил.

К нему присоединился Квон, начальник нашего горного отдела, который предложил принять участие и нам, двум молодым специалистам (больше на роль, я думаю, грузчиков).

На работе нам дали грузовик, и в субботний полдень (суббота была тогда рабочим днём) мы отправились в Долинку. Квон и Викман сидели в кабине, рядом с шофёром, с собой у них была сумка с водкой, которую купили заранее. Мы, двое, расположились в кузове, на пустых мешках под картошку.

Викман показывал дорогу, и, не доезжая Долинки, мы свернули на картофельные огороды. Там, действительно, шла уборка картофеля, работали женщины-заклужённые. Но охрана, оказывается, была уже не та, какую помнил Викман. Это был, повторюсь, 1955 год, Сталина уже не было, шло массовое освобождение из лагерей, работников охраны, естественно, тоже сокращали. Поэтому каждый из них «цеплялся», если можно так выразиться, за своё «рабочее место». Встретившие нас охранники тоже не стали рисковать, не взяли предложенную нами водку, и мы, соответственно, остались без картофеля.

Мы стояли, не зная, что делать. Подошёл один из охранников:

- Завтра в Долинке праздник урожая, картошку можно взять на колхозном базаре, там она дешевле.

Викман сказал:

- Я думаю, не стоит возвращаться пустыми, переночуем в Долинке, а завтра съездим на базар.
- А где переночуем?
- У моих знакомых.

Наш грузовик направился в сторону Долинки. В посёлок мы въехали уже в сумерках, проехали несколько деревенских улиц, и, не доехав до центра, где высилось здание управления Карлага, остановились у дома, выгодно отличавшегося от соседних саманных построек. Железная крыша, высокие окна с резными наличниками, цокольный полуподвал. Дом выходил фасадом на улицу, с других трёх сторон его окружал сад с невысокими деревьями.

Мы оставили машину на улице и, отворив незапертую, почему-то, дверь, вошли в подъезд и по широкой деревянной лестнице поднялись на жилой этаж.

Наверху оказались ещё двери. Викман постучался в одну из них. Открыла женщина, и, увидев Викмана, пригласила нас войти. Мы оказались в коридоре, заставленном массивной и, как мне показалось, дорогой мебелью. Нас провели в большую комнату, где мебели тоже было больше, чем нужно. Посреди комнаты стоял широкий дубовый стол, за которым мы и расположились.

Женщине, которая нас привела, было лет за сорок. Смуглое красивое лицо, гладко зачёсанный тёмный с проседью волос, скромное чёрное платье. В её облике, как мне показалось, было что-то неуловимо печальное.

Викмана здесь знали (вероятно, со времён его отсидки в Карлаге), потому что хозяйка стала его расспрашивать, пеняя,

что долго не появлялся. Он стал оправдываться, потом представил нас, объяснил, зачем мы приехали. Женщина сказала, что её зовут Вера Николаевна и добавила:

- Конечно, можете ночевать, только на ужин у меня ничего нет, только вот арбузы.

И она показала в угол, где лежало несколько больших арбузов.

Мы поблагодарили и сказали, что нам на ужин и арбузов достаточно. На большом столе разрезали ярко-красный арбуз, кто-то сбегал за сумкой с водкой (не пропадать же добру). Наполнили гранёные стаканы, всем, конечно, поровну.

Вдруг где-то внизу раздался дикий крик, скорее рёв, кричал мужчина. Мы вскочили, выбежали в заставленный коридор и далее в подъезд и остановились на верхней площадке широкой лестницы. Внизу у лестницы стоял раздетый до трусов и, похоже, избитый до крови парень. Выставив сжатые кулаки и оглядываясь по сторонам, словно готовясь и дальше драться, он пьяно кричал:

- Ма-ама! Ма-ама!

Увидев нас, он остановился и ошалелыми глазами уставился на группу незнакомых ему людей. Первое, что пришло ему в голову – это за ним, пришли добивать. Но, увидев среди нас Веру Николаевну, он утробно заревел:

- М-а-а-м-а-а!!

И в несколько прыжков поднялся вверх. Вера Николаевна молча обняла его и куда-то увела.

Мы вернулись к столу. Все молчали. Наконец, Квон поднял тост за спокойствие в этом доме, и каждый выпил свой стакан. Закусывали крупными кусками сахарного арбуза. И это был

первый и последний раз, когда, выпив целый стакан водки, я её даже не почувствовал. Да и остальные, как говорится, были «не в одном глазу», я могу это подтвердить. То ли сказалось потрясение от только что увиденного, то ли это была «заслуга» красного арбуза.

Вернулась Вера Николаевна с красными от слёз глазами. И тут её прорвало. Она сказала, что после смерти мужа (он был каким-то важным в Карлаге начальником) всё у них пошло, как она выразилась, прахом. Их уплотнили, мебель, когда-то сделанную для них, пришлось собрать здесь, а места, как видите, не хватает. Я подумал - так вот откуда «дорогая» мебель – она сделана заключёнными, а краснодеревщиков среди них, наверняка, было достаточно.

Да и с детьми, продолжала она, совсем беда. Старший, Володя, заболел, какой-то психической болезнью. Ходит, молчит, ни с кем не разговаривает. Может всю ночь где то бродить, вот и сейчас его нет дома. А с младшим, Николаем, тоже нехорошо - вы его видели. Пьёт, хулиганит, нехорошие компании, играет в карты – вот и сегодня была карточная драка. И милиция не раз к нам приходила.

Разговор прервался с появлением Николая. Он отмылся, на нём был приличный костюм. Он расположился в кресле в стороне от нас и вальяжно закурил. Было видно, что он «производит впечатление».

- Мама, что это у нас за гости? – спросил он Веру Николаевну.

Она объяснила – люди приехали за картошкой. Это ему, почему-то, не понравилось.

- Это пошло - приезжать за картошкой, - надменно сказал он и вышел из комнаты.

Он надеялся, что мы серьёзные «фраеры», с которыми можно «поработать», а тут такое...

На ночлег хозяйка предложила нам эту же комнату, благо, что здесь стояло несколько диванов, и мягких, и отделанных резьбой деревянных.

- Только машину загоните во двор, я не надеюсь на Николая, - сказала она, - а лучше, если вы её покараулите. Ещё Володя где-то ходит, но вы его не бойтесь – он смирный.

Своего Николая она, конечно, знала лучше нас, поэтому совет охранять машину мы восприняли со всей серьёзностью. Дежурить решили поочереды, на каждого пришлось часа по два. Первым на дежурство отправился я.

Наш шофёр перегнал грузовик во двор, который оказался совсем небольшим – деревья близко подступали к машине. Показав, где в кабине лежит разводной ключ («для обороны»), он ушёл. Я забрался в кабину, запер изнутри двери, проверил, как открываются-закрываются стёкла, и «приступил к дежурству».

При слабом свете луны соседние деревья находились в каком-то сером тумане.

Напряжённно вглядываясь в этот туман, я был в постоянном ожидании возможного нападения банды Николая или тихого явления сумашедшего Володи. Иногда мне казалось, что в тумане появлялся чей-то силуэт, но он исчезал. Один раз я неловко повернулся, и на мгновение мне показалось, что к стеклу прижалось чьё-то бледное лицо...

В таких страхах дежурство пролетело незаметно. Я с облегчением оставил кабину, разбудил следующего дежурного и улёгся спать. Проснулся утром, когда наша компания уже готовилась к отъезду.

Мы поблагодарили хозяйку и, спустившись по широкой лестнице, вышли на улицу. Я ещё раз оглянулся на этот дом, вспомнил тягостную обстановку, царящую в нём, и безысходную трагедию женщины в чёрном. И я подумал, что эта женщина и её несчастная семья, возможно, расплачиваются за всё то горе, которое пережили тысячи заключённых, когда ими «командовал» её покойный муж, один из начальников Карлага...

А картошку мы купили на колхозном базаре.

*) Опубликовано на сайтах www.wolgadeutsche.ru/Riedel.htm и www.proza.ru/avtor/robriedel

«ПОЛУШАРАШКА»

«Записки горного инженера (эпизоды)», гл. 20.

В тридцатые годы Караганда создавалась как город шахтёров – быстро развивался угольный бассейн. И с первых лет значительную часть городских жителей составляли репрессированные, в городе и вокруг него возникли лагеря ГУЛАГА (среди них знаменитая Долинка). Город стал одним из центров репрессированных, таким, какими были тогда Магадан и Воркута.

Обычной деталью городского пейзажа были заборы с колючей проволокой и вышками по углам, окружавшие здания, которые, как правило, строили заключённые. Они же работали на первых

шахтах, а я застал время (1954 год), когда заключённые шахты строили - наше управление производило на них взрывные работы. Один из наших рассказывал, какие интересные беседы он вёл с заключённым, профессором философии, работавшим в шахтёрской раздевалке.

В начале тридцатых пришла первая волна спецпереселенцев. Это были, так называемые, «раскулаченные», крестьяне, вывезенные, в основном, из европейской части России. Высылка была очень жестокой. Старики рассказывали, что их привезли зимой в голую степь. Был холод, голод, людей с детьми косили болезни. Но выжившие копали землянки, как-то устраивались и жизнь продолжалась.

Родителей моей жены, кстати сказать, тоже «раскулачили», вывезли с Поволжья. Двое их детей по дороге умерли, жена родилась уже в Казахстане.

Перед войной режим «раскулаченных» стали ослаблять - право освобождать от поселения предоставили местным властям, молодым разрешили выезды на учёбу и др. А во время войны освободили семьи мобилизованных на фронт. И когда в пятидесятых окончательно отменили поселения для «раскулаченных», на учете их оставалось всего несколько процентов от высланных в начале тридцатых.

После кампании «раскулачивания», затронувшей все «советские» народы, депортировать стали по национальному признаку. Перед войной в Караганду привезли греков, корейцев, поляков. Во время войны - «советских» немцев, кавказцев. Для этих спецпереселенцев режим становился всё жёстче и жёстче – в 1945 году ввели спецкомендатуры, в 1948 году приняли закон, в котором объявили, что они высланы «навечно» и что они получают 20 лет каторжных (!?) работ, если оставят место поселения.

Среди тогдашних репрессий были и «комбинированные». Семейю работавшего у нас Дмитрия Корнеевича Винса в 1930

году выслали в Караганду как «раскулаченных», в 1938 году его отца арестовали и в Карлаге расстреляли как «врага народа», а в 1941 году они стали спецпереселенцами, уже как «советские» немцы.

Наряду с «раскулаченными» и спецпереселенцами, были политические ссыльные, осуждённые по знаменитой 58-й статье. Многие перед ссылкой «отсидели» в карагандинских лагерях. Но были такие, кто после «отсидки» сам не уехал – жить во многих городах им не разрешали, а в Караганде можно было найти достойную работу, а иногда и приличное по тем временам жильё.

Карагандинский бассейн развивался по проектам ленинградского института «Гипрошахт», и только во время войны была создана «своя» проектная контора, ставшая потом институтом «Карагандагипрошахт».

Это была одна из немногих организаций, где репрессированные могли приложить свои знания. И они потянулись сюда. Специалистами они были в самых разных областях (даже в ракетной и авиационной технике – некоторые работали с Королёвым и Глушко), поэтому работы для них хватало. Они разрабатывали нужные для шахт конструкции, создавали системы управления и электроснабжения, участвовали в проектировании вспомогательных объектов и т. д. Но горные работы они не проектировали – для этого мало быть инженером, даже высокого класса, надо быть горняком (не даром говорят, что горное дело, это не наука, а искусство). Этим занимались горные инженеры, прикомандированные из центральных институтов.

Только после войны появились «свои» горняки, молодые инженеры из местных. Если точнее, то не совсем из местных, они были из семей репрессированных, в основном, «раскулаченных». Некоторые окончили Днепропетровский горный институт, куда они поступили, когда тот находился в Караганде в эвакуации. Другие, окончив Карагандинский

горный техникум, учились потом на высших инженерных курсах (ВИК) в Омске.

Вот так и получилось, что в сороковые и пятидесятые годы «Карагандагипрошахт» оказался если не «шарашкой» (в них работают заключённые), то уж «полушарашкой» точно – большинство его сотрудников были репрессированные или из семей репрессированных. Один из ветеранов мне рассказывал, что И. И. Заковряшин, тогдашний директор института, даже получил нарекание за то, что в его организации слишком много «политических».

... В институт «Карагандагипрошахт» я поступил в декабре 1954 года. Я обратил внимание, что в институте много интеллигентного вида, часто не очень молодых людей. Мне сказали, что это спецы довоенной, а то и дореволюционной школы, и что все они ссыльные, спецпереселенцы или недавно из лагеря. Внешний вид этих людей, их манера общения были для меня непривычны, мне казалось, что у них какая-то особая аура. Впечатление усиливалось тем, что «58-ая статья», по которой многих осудили, была для меня (и не только для меня) лучшей аттестацией приличного человека.

Одним из проявлений этих в общем-то незаурядных людей, среди которых были и женщины, была подготовка к праздничным вечерам. На концертах, в которых они активно участвовали, звучали фортепьянные пьесы, романсы, акты из пьес, играл приличный оркестр. А метровые развороты праздничных стенгазет были полны почти профессиональными дружескими шаржами с остроумными стихами и очень похожими карикатурами, которые рисовали не только архитекторы нашей мастерской, но и технари-инженеры.

Всех институтских репрессированных я, конечно, знать не мог – некоторые работали ещё до меня (например, известные учёные А. А. Чижевский и К. И. Страхович). Но из тех, с кем я встречался и которых помню, можно было составить целый интернационал, в который вошли бы русские (П. И. Жуков, Г. И. Левин, А. Г. Глебов), евреи (И. Д. Курицкий, семья Кац,

Готесман), белорусс П. З. Боровский, поляк В. Л. Пржецлавский, литовец Генрих Урбанас и его жена Агота, корейцы (С. С. Му-ен, Н. Д. Цой), «советские» немцы (семья Гуммелей, Евгений Дик, Дмитрий Винс и др.). А за пределами института я был знаком с греками, с чеченцами.

У молодых спецпереселенцев (таких, как я) высшего образования, как правило, не было – спецкомендатура не разрешала выезд на учёбу, да в институты их тогда не принимали. Максимум, на что они могли рассчитывать – это техникум. Но многие, окончив техникум, работали у нас на инженерных должностях (со снижением зарплаты на десять процентов – через это прошёл и я).

В 1955-56 гг. началась массовая реабилитация спецов. Многие вернулись в Москву, в Ленинград, в другие города, где их когда-то «посадили». Для института это стало катастрофой – мы лишились специалистов. Под дружеским шаржем в нашей стенгазете кто-то написал:

Обратите внимание
На трагедию СТО –
Приезжающих мало,
Отъезжающих сто.

СТО – это сантехнический отдел.

И ещё эпизод того времени. Где-то в марте 1956 года, после известного двадцатого съезда, нашим коммунистам читали письмо о разоблачении культа личности. Читали в запертом актовом зале, рядом с которым находился институтский буфет, где можно было не только перекусить, но и заказать «сто граммов». Когда я зашёл в буфет, за одним из столиков сидела наша сотрудница, худенькая женщина с копной рыжих волос. Она, похоже, уже «приняла», потому что, ни к кому не обращаясь, громко говорила:

- Они меня не пускают, читают про культ личности! А они не знают, что я от него пострадала ? Что посадили меня из-за квартиры – ночью меня взяли, а утром друзьям сказали, что здесь живут другие. И следовательно всё повторял, что я анархистка Ляля Чёрная, а я не Чёрная, я Червоная!!

...Но государство нашло «выход» и из этого положения. Из разных городов к нам стали направлять (в обязательном, конечно, порядке) «молодых специалистов», выпускников горных, строительных и других институтов. Отработав обязательный срок, многие возвращались откуда приехали, но некоторые оставались.

В 1953 году в Караганде открылся горный институт (потом он стал политехническим). В первый набор спецпереселенцев не брали (помню, как абитуриент-кавказец послал жалобу в президиум Верховного Совета СССР, которая, конечно, осталась без ответа) . С приходом «Оттепели» в институты стали принимать всех, и проблема с кадрами как-то решилась.

Сегодня можно сказать, что именно в период «полушарашки» определился тот творческий настрой и тот, не боюсь сказать, высокий стиль инженерной работы, которым всегда отличался институт «Карагандагипрошахт», ставший одним из крупнейших и известнейших в отрасли проектных институтов, В этом немалая заслуга целой плеяды репрессированных специалистов – ссыльных, спецпереселенцев, «раскулаченных».

А институт продолжает существовать, преодолевая трудности сегодняшнего времени. Его коллектив сократился в несколько раз, он переехал в меньшее помещение, и он всё больше становился «консалтингом» (на зарубежный манер). Но в нём жива память прошлых лет, и не только о годах былого расцвета, но и о периоде «полушарашки».

* * *